

ОЛЕГ АУРОВ*

«СЕВЕРНАЯ ВЕНЕЦИЯ» И «ЮЖНЫЙ НОВГОРОД»**

РАЗМЫШЛЕНИЯ О КНИГЕ П. В. ЛУКИНА

Лукин П. В. Новгород и Венеция. Сравнительно-исторические очерки становления республиканского строя. — СПб.: Европейский университет в Санкт-Петербурге, 2022.

DOI: 10.17323/2587-8719-2024-3-389-400.

Сейчас, когда не только в политических кругах, но и в академическом сообществе все громче звучат призывы отказаться от преподавания всеобщей истории в средней школе и существенно сократить объемы преподавания в школе высшей (а частично это уже сделано), когда растет количество поклонников культурного изоляционизма, особенно большое значение имеют труды компаративного характера, подобные тому, который вышел из под пера доктора исторических наук, главного научного сотрудника Института российской истории РАН Павла Владимировича Лукина (там же). Проведя параллельное исследование средневекового социально-политического строя Новгорода и Венеции, П. В. Лукин на предельно конкретном материале показал как степень своеобразия городской истории средневековой Руси, так и те значимые цивилизационные особенности, которые характеризовали ее как часть христианской цивилизации средневековой Европы. Речь идет о тех общеевропейских цивилизационных особенностях, которые сохранялись и на Западе, и на Востоке европейского мира даже после того, как Четвертый крестовый поход (1204 г.) и развивавшаяся с первых десятилетий XIII в. крестоносная экспансия в Прибалтике навсегда рассекли надвое единое европейское тело.

* Ауров Олег Валентинович, к. и. н., доцент, Российский государственный гуманитарный университет (Москва); ведущий научный сотрудник, Институт общественных наук РАНХиГС (Москва), olegaurov1@yandex.ru, aurov-ov@ranepa.ru, ORCID: 0000-0002-0755-9902.

** © Ауров, О. В. © Философия. Журнал Высшей школы экономики.

Благодарности: статья подготовлена в рамках выполнения научно-исследовательской работы государственного задания РАНХиГС.

Специалисты хорошо знают, что именно Средневековье, — при всей своей внешней удаленности от проблем современности, — является той исторической эпохой, образы которой, пожалуй, наиболее активно использовались и используются в исторической политике и связанном с ней пропагандистском дискурсе для формирования и воспроизводства региональных и национальных идентичностей. В числе пропагандистских мифов, эксплуатирующих образы и символы Средневековья (часто до неузнаваемости переосмысленных) достаточно давно, едва ли не со времен знаменитой переписки Ивана Грозного и Андрея Курбского, находится и образ «свободного», «демократического», «вечевого» Новгорода. И как и любой пропагандистский миф, он не выдерживает столкновения с фактами, почерпнутыми из источников. Это происходит вовсе не из-за того, что политический строй Новгородской республики носил какой-то особенно «антинародный» характер. Просто в той реальности, которая реконструируется на основе системного анализа исторических источников все оказывается другим — сложным, неочевидным на первый взгляд, но от этого вызывающим лишь еще большее доверие.

Наглядным свидетельством этому является книга, о которой пойдет речь ниже. Имя ее автора, П. В. Лукина, хорошо известно в академической среде: он является одним из крупнейших современных специалистов, работающих по истории политического строя средневекового Новгорода и Пскова (см., например: Древняя Русь..., 2008; Лукин, 2014). В своем компаративном исследовании, посвященном параллельному изучению политических систем Новгорода и Венеции, уходя от односторонних подходов, он начинает с уточнения и обновления понятийного аппарата. Вводя понятие «политический народ» (Лукин, 2022: 29–30), П. В. Лукин аргументированно доказывает, что оно в гораздо большей степени, чем просто «народ», соответствует политическим реалиям обоих исследуемых политий. Под «политическим народом» в книге понимается «коллектив, имеющий право участвовать в принятии политических решений и состоящий из людей свободных и полноправных» (там же: 30), тех, кто в языке источников по политической истории Новгорода более всего соответствует выражение «весь Новгород» (там же: 47–88). При этом, процесс принятия политических решений и роль источника власти выполнял вовсе не народ, а ограниченный круг лиц, представляющих наиболее обеспеченную и влиятельную часть боярских семей, главы которых поколение за поколением держали бразды правления в своих руках (там же: 70–88).

Уходя от упрощенных определений политического строя Новгорода как «демократического» и решительно дистанцируясь от попыток связать кризис новгородской политической системы в XV в. с «упадком демократии», П. В. Лукин последовательно и убедительно доказывает, что, несмотря на активное участие городских низов в политической жизни, демократии в собственном смысле этого понятия в Новгороде не было — ни в периоды подъема, ни во времена упадка. С другой стороны, не находит подтверждения в источниках тезис об упадке вечевого строя к концу истории Новгородской республики: просто вече, являвшееся чрезвычайно значимым политическим институтом на протяжении всего республиканского периода новгородской истории, никогда не играло той роли, которую ему приписывали сторонники идеи «новгородской демократии» (Лукин, 2022: 177–178).

Возникает вопрос о степени специфичности описанной модели политического устройства. И именно здесь П. В. Лукин обращается к венецианскому материалу, правомерность использования которого он тщательно доказывает. Решительно отвергая представления об «искусственности» подобного объекта сопоставления, он подчеркивает, что попытки сопоставления Новгорода и Венеции делались и ранее (причем весьма авторитетными учеными, в частности — В. Л. Янинным). В числе же конкретных критериев, делающих такое сравнение не только возможным, но и весьма плодотворным, он называет присутствующие и в новгородском, и в венецианском варианте господство над пригородами, наличие выборных должностных лиц, городской знати, процветавшей благодаря доходам от торговли и крупного землевладения, сюзеренитет городских властей над подчиненной им значительной периферией (с более мелкими городами сельскими поселениями) (там же: 11–12). Важен также и тот факт, что

и Венеция, и Великий Новгород эволюционировали в гигантские державы, не лишаясь при этом своей республиканской сущности. Ничего подобного не было ни в германских самоуправляющихся городах, ни где-либо еще в средневековой Европе (там же: 12).

При этом, важен и тот факт, что Венеция не имела античного *background'a*, при том, что полностью отрицать римско-византийское влияние на предысторию и историю города было бы преувеличением (там же: 13).

Но одного только соблюдения перечисленных выше критериев оказывается недостаточно для действительно плодотворного, а не поверхностного сопоставления двух великих городов Средневековья. Необходимо соблюсти важное условие: компаративный анализ имеет смысл, только если он ведется не путем сравнения «чужих» выводов и наблюдений, а основывается на собственной работе историка с оригинальным источниками (Лукин, 2022: 23). Что и было сделано П. В. Лукиным, «забывшим», что он не является медиевистом-западником по образованию, и что, строго говоря, не то чтобы обязан уметь читать требующие от исследователя особой подготовки венецианские нарративные, нормативные и документальные тексты на латинском языке и вольгаре (местном средневековом диалекте) (там же: 253–258). Наслушавшийся в свое время едва ли не исполненных гордости заявлений некоторых коллег-руссистов об отсутствии у них способности к изучению иностранных языков, в силу которой их долженствовало не только прощать, но, кажется, даже и уважать за отсутствие у них одного из основных инструментов научной работы, я хочу выразить искреннее восхищение такой позицией.

Последовательно опираясь на данные источников, П. В. Лукин указывает на очевидные параллели в политическом устройстве Новгорода и Венеции. В том числе — наличие в обоих случаях «политического народа» — того, что в оригинальной терминологии, собственно, и именуется *commune*, а также *populus* и *arengo* (там же: 30–47). В конечном итоге, именно эта, изначально ограниченная, хотя и не замкнутая от основной части населения социальная группа, готовая взять на себя ответственность за судьбу своей политики, и стала в обоих случаях основной дальнейшего политического развития. И в Новгороде, и в Венеции в процессе решения возникавших конфликтов сформировался закрытый Совет (Большой и Малый советы в Венеции, Совет господ, а правильнее — *gospodá*, в Новгороде), в то время, как народное собрание хотя и сохранилось, но стало выполнять все более церемониальные (хотя и весьма значимые для политической системы в целом) функции (там же: 134–178).

Строго говоря, ожидать обратного в реалиях средневекового христианского европейского социума было бы странно. Специалисты по истории городского управления в Средние века давно (по меньшей мере, с середины 1980-х гг.) и хорошо знают, что представления о «демократичности» западного средневекового города не только сильно

преувеличено, но и просто неверно. Везде и всегда дееспособные и самостоятельные институты городского самоуправления формировались на основе местных олигархических группировок, а ротация осуществлялась путем кооптации. Попытки же сформировать такие органы демократическим путем практически всегда заканчивались неудачей.

В частности, английская исследовательница С. Рейнольдс (чья работа о корпоративных сообществах в средневековой Европе 1986 г. была воспринята академическим сообществом гораздо более позитивно, чем ее же нашедшая монография «Феоды и вассалы» (Филиппов, 2015; Reynolds, 1994)), среди прочего, приводит следующий показательный пример: когда в скабинате (городском совете) германского города Андернаха в XII в. в результате прямых выборов преобладание получили бедные горожане, городской совет оказался неспособным отстоять даже права бедноты. В итоге, архиепископ Кёльна был вынужден собственной властью назначить новых скабинов из числа представителей городской верхушки и установить на будущее процедуру кооптации, что не встретило сопротивления массы горожан (Reynolds, 1986: 188–192). Многочисленные примеры на этот счет можно привести и из истории городов других западноевропейских стран того же периода (Ауров, 2012: 89–92).

Однако, при очевидно олигархической сущности политического устройства как Новгорода, так и Венеции П. В. Лукин не пользуется для его характеристики понятием «олигархия» в силу присущей этому понятию явно негативной коннотации. Автор книги предпочитает говорить о «республиканском» характере политического устройства обеих политий, подчеркивая связанные с таким определением позитивные аспекты. Формулируя свое понимание «республиканского строя» («политический строй, основанный на власти сообщества, включающего в себя полноправное население, которое осуществляет свои полномочия через свои коллегиальные органы (собрания, советы) и выборных магистратов»; при этом, под «республиканской идеологией» понимается «...такая эксплицитно сформулированная система взглядов, которая призвана обосновать право этого сообщества на автономное существование и наличие у него соответствующих институтов» (Лукин, 2022: 21)), автор книги рассуждает в категориях, близких или идентичных тем, которые исповедуют сторонники т. н. «республиканизма». Вероятно, наиболее последовательный сторонник и пропагандист этой концепции, О. В. Хархордин, последовательно противопоставляет *res publica* как форму политической самоорганизации общества и как режим правления немногих

и достойных, исповедующих гражданские добродетели, не только монархии, но и всем иным формам социальной и политической организации, прямо или косвенно связанными с бюрократической государственностью Нового и Новейшего времени (Хархордин, 2020; 2021 и др.).

Исходя из этой точки зрения, П. В. Лукин последовательно подчеркивает определяющую роль «республиканских» элементов как факторов, определяющих политическое устройство и Новгорода, и Венеции. В частности, он указывает на их роль в ритуалах интронизации (дожа в Венеции и великого князя в Новгороде), предстающих в его интерпретации как республиканские церемонии (Лукин, 2022: 88–107).

Отдельное место уделяется республиканской политической «мифологии». Автор книги считает, что в Новгороде, в отличие от Венеции, она не сложилась, хотя тенденция к ее формированию прослеживается достаточно последовательно. В то же время, в великой итальянской республике можно говорить о сложившейся республиканской идеологии с ее легендой об избрании первого дожа Паолуччо Анафесто, содержащей представления об истоках политического строя Венеции, восходящих к Византии, троянской легендой, как объяснением происхождения политического народа, а также средневековым культом св. Марка как покровителя города и участника его политической жизни (прежде всего — его особой связи с властью дожа) (там же: 190–193, 203–208, 213–221). Применительно к Новгороду приблизительными (хотя и менее последовательными) аналогами этих политических мифов оказываются легенда о Гостомысле как первом новгородском посаднике, о призвании варягов («варяжская легенда») как отражении идеи избранности и культ св. Софии — святой покровительницы Новгорода и его политического строя. Последний не успел окончательно сложиться ко второй половине XV в., а дальше история независимого Новгорода завершилась, ему просто «не хватило исторического времени». Тем не менее, культ достиг высокой степени зрелости, вплоть до «материализации» образа Софии, появления ее изображения как «огнезначного ангела» (там же: 179–190, 194–203, 221–241).

Все рассмотренные выше умозаключения автора книги глубоко фундированы и блестяще изложены. Книга читается на одном дыхании. Логичными представляются и итоговые выводы. Обращу внимание лишь на те из них, которые представляются мне наиболее существенными. Исследование П. В. Лукина показывает не только саму возможность аргументированного и корректного сопоставления значимых сюжетов

русской и западной городской истории, но и плодотворность проведенного сравнения. В целом, политический строй Новгорода, по сравнению с Венецией, оказывается более демократичным. Но в рамках подходов, которые исповедует автор рецензируемой книги, эта характеристика звучит скорее негативно, поскольку свидетельствует о более низкой степени зрелости новгородской политической системы по сравнению с венецианской, прежде всего — в том, что касается степени консолидации новгородского «политического народа». И наоборот, применительно к Новгороду в историографии фиксируется явная недооценка роли «аристократического» элемента. Подчеркивается существенная роль фактора раннего формирования политической идентичности и ее символов в Венеции по сравнению с Новгородом. Среди прочего, в последнем случае развитию этого процесса препятствовало то, что новгородцы (при всех перипетиях местной политики) неизменно видели себя частью «русской земли», в то время как в Венеции процесс суверенизации шел много более активно. Вместе с тем, при всех слабостях и недостаточной последовательности, налицо процесс в целом успешного выстраивания в Новгороде республиканской идентичности в условиях практически полного господства монархических политий. Этот факт особо выделяется автором книги (Лукин, 2022: 242–245).

Наконец, П. В. Лукин призывает не переоценивать степень экстремальности условий, в которых происходило становление и развитие республиканского политического строя и свойственных ему форм политической идентичности. И здесь в качестве примера приводится далматинский город Дубровник, который, по мнению исследователя, сохранил внутреннюю стабильность даже в период пребывания в статусе данника Османской империи в XV в. Признавая при этом, что город управлялся замкнутой патрицианской кастой, П. В. Лукин считает, что правящий социальный слой не видел проблем в подобном политическом элитизме. Поддерживая единство общества перед лицом внешних вызовов, правящая элита Дубровника вовсе не стремилась посягать на права остальной части населения: «республиканский принцип свободы (*libertas/libertà/svoboda*) для обычных жителей выражался в свободе от произвола и гарантии жизни под сенью справедливых законов». Таким образом, подчеркивает исследователь, Дубровник в гораздо более сложных условиях сумел добиться того же, чего в политическом смысле достигла и ренессансная Венеция (там же: 246).

В заключение хотелось бы обратить внимание на ту часть промежуточных и итоговых выводов П. В. Лукина, которая представляется

дискуссионной (при том, что ряд высказанных ниже замечаний «работает» скорее в пользу его идей, чем против них). Прежде всего, одним из главных достоинств концепции П. В. Лукина, как представляется, является постулируемый им отказ от преувеличения роли демократических элементов, присущих им форм участия в политической жизни и идеалов применительно к политическим процессам Средневековья. Отталкиваясь от своих собственных наблюдений, сделанных на западном материале того же времени, хочу подчеркнуть обоснованность этих идей, значение которых выходит далеко за пределы средневековой Руси. В реальных условиях городской жизни западного Средневековья т. н. «демократические элементы», как правило, становились социальной опорой процессов авторитарной направленности, в то время как реальными защитниками городского самоуправления выступали, в первую очередь, местные олигархии. Например, в городах средневековой Испании, в частности, в королевстве Кастилия и Леон они были представлены, главным образом, кланами потомственных рыцарей-идальго, представители которых из поколения в поколение занимали должности в системе управления городом — сначала королевского и сеньориального, а затем — бюргерского (см., например: Аулов, 2012: 307–345; Аулов, 2020: 59–62; Martín Cea & Vonachía, 1998).

Второе замечание касается степени привлекательности образа «республиканского строя» в том его виде, который описывает (и которому явно внутренне симпатизирует) П. В. Лукин. С одной стороны, отталкиваясь от известного мне материала, могу подтвердить тот факт, что лишь определяющая роль «политического народа» в том смысле, в котором его понимает П. В. Лукин, в реальных политических условиях средневековья могла способствовать формированию устойчивых институтов городского самоуправления. С другой стороны, в реальных условиях средневековой христианской цивилизации, где неформальное лидерство аристократии в немалой степени уравновешивалось тем вниманием к простому человеку и его образу жизни, тем сочувствием его горькой доле, которое было изначально свойственно христианству и которое в немалой степени сохраняет свое значение до сих пор, образ власти немногих — пусть даже достойных, — людей едва ли мог пользоваться широкой поддержкой населения.

И уж в любом случае, система власти, основанная на этом принципе, могла успешно функционировать лишь в относительно ограниченных масштабах городов или небольших территориальных политий, соотносимых с позднесредневековым Дубровником. В политиях большего

размера, в которых проживало большее количество населения, эффективный контроль над местными элитами как снизу, так и сверху без вмешательства извне, был просто невозможен. С этой точки зрения уничтожение средневековой новгородской политики путем ее интеграции в состав Великого княжества Московского следует признать объективным. Тем более, что, в противовес Венеции, формально находившейся в границах Священной Римской империи (германской нации), которую до конца Средневековья отличала крайняя рыхлость системы управления и слабость центральной власти (к тому же еще более ослабленной противостоянием папству в конце XI — конце XIII вв.), тот тип политического устройства, который был свойственен Великому княжеству Московскому, априори оставлял Новгороду гораздо меньшие возможности для сохранения фактической независимости. Таким образом, Новгороду не хватило не только «исторического времени» (П. В. Лукин), но и исторических возможностей.

И наконец, последнее (но не последнее по значению) наблюдение, возникающее в процессе знакомства с концепцией П. В. Лукина, касается необходимости адекватной оценки такого, казалось бы, общепризнанного фактора, как роль Церкви и христианства в системе средневековой европейской цивилизации — как в западной, так и в восточной ее версиях. Прежде всего, необходимо подчеркнуть основополагающее влияние Церкви на те формы политической культуры, которые сформировались в средневековой Европе. В числе особо значимых элементов христианского наследия в этой области следует выделить идею равенства людей перед Богом, ориентацию на публичность и, в связи с ней, на коллективные, неавторитарные формы политической активности и принятия основополагающих решений (то, что традиционно принято именовать «соборностью»), принцип соработничества светской власти и Церкви (традиционно обозначаемый понятием «симфония») и нек. др. Разумеется, все эти элементы христианского наследия присутствовали в средневековых полициях не только «республиканского», но и «авторитарного» типа. Но их фундаментальный характер не подлежит сомнению.

Кроме того, необходимо учитывать роль Церкви и христианства как связующего звена, поддерживавшего единство христианского мира, как минимум, до начала XIII в. Так, еще в XII в. русские паломники ходили в Сантьяго-де-Компостела, не говоря уже о святых Италии (Гордин и Рождественская, 2016). До 1270-х гг. на Афоне сохранялся бенедиктинский монастырь Амальфийон, одной из важнейших функций которого

было осуществление перевода с греческого на латынь важнейших памятников восточной христианской литературы (Мерлини, Талалай, 2016) и т. п. Все это время Церковь не только оставалась инструментом обмена идеями и их трансляции за пределы соответствующих регионов, но и осваивала некоторые важные тексты и политические практики, далеко не только связанные с концептами автократии и монархической власти в широком смысле.

Наконец, именно Церковь оставалась основным путем трансляции элементов римско-византийского наследия в пределах «византийского содружества наций» (Оболенский, 1998). Это справедливо и в отношении Новгорода, и совсем не только потому, что в его центре находится один из самых больших византийских соборов, сохранившийся от эпохи Комининов — Николо-Дворищенский собор, зримое свидетельство византийского присутствия на этой далекой от Константинополя земле. Поэтому, когда П. В. Лукин скептически высказывается о присутствии «римско-византийского наследия» применительно к Новгороду (Лукин, 2022: 47), эту точку зрения можно разделить лишь отчасти.

И в завершение — коротко: блестящее исследование, убедительные выводы, значительный круг использованных в процессе работы разнообразных источников, прекрасный язык. Жаль только, что книга, вышедшая небольшим тиражом и в мягкой обложке, дойдет в этом виде лишь до части своих потенциальных читателей.

ЛИТЕРАТУРА

- Ауров О. В. Город и рыцарство феодальной Кастилии : Сепульведа и Куэльяр в XIII — середине XIV века. — М. : ИЦ РГГУ, 2012.
- Ауров О. В. Феодализм как форма организации власти : пример Кастилии и Лео-на XI — середины XIV века // Средние века. — 2020. — Т. 81, № 1. — С. 57–65.
- Гордин А. М., Рождественская Т. В. «Идя ко святому Иакову» : древнерусское граффито XII в. в Аквитании // Slověne = Словѣне. International Journal of Slavic Studies. — 2016. — № 1. — С. 126–147.
- Древняя Русь. Очерки политического и социального строя / А. А. Горский, В. А. Кучкин, П. В. Лукин, П. С. Стефанович. — М. : Индрик, 2008.
- Лукин П. В. Новгородское вече. — М. : Индрик, 2014.
- Лукин П. В. Новгород и Венеция. Сравнительно-исторические очерки становления республиканского строя. — СПб. : Европейский университет в Санкт-Петербурге, 2022.
- Мерлини М. Неизвестный Афон : рождение и история бенедиктинского монастыря / пер. с итал. М. Г. Талалая. — М. : Индрик, 2016.

- Оболенский Д.* Византийское содружество наций // Византийское содружество наций. Шесть византийских портретов / Пер. под ред. С. А. Иванова. — М. : Янус-К, 1998. — С. 11–39б.
- Филиппов И. С.* Размышления о книге Сьюзан Рейнольдс «Феоды и вассалы» и ее восприятию в современной медиевистике // Средние века. — 2015. — Т. 76, № 3/4. — С. 8–55.
- Хархордин О. В.* Республика или Дело публики. — СПб. : Европейский университет в Санкт-Петербурге, 2020.
- Хархордин О. В.* Республика. Полная версия. — СПб. : Европейский университет в Санкт-Петербурге, 2021.
- Martín Cea J. C. y Bonachía J. A.* Oligarquías y poderes concejiles en la Castilla bajomedieval : balance y perspectivas // Revista d'Història Medieval. — 1998. — N° 9. — P. 17–40.
- Reynolds S.* Kingdoms and Communities in Western Europe, 900–1300. — Oxford : Clarendon Press, 1986.
- Reynolds S.* Fiefs and Vassals. The Medieval Evidence Reinterpreted. — Oxford : Clarendon Press, 1994.

Aurov, O. V. 2024. “‘Severnaya Venetsiya’ i ‘yuzhnyy Novgorod’ [‘Northern Venice’ and ‘Yuzhny Novgorod’]: razmyshleniya o knige P. V. Lukina [Reflections on the Book by P. V. Lukin]” [in Russian]. *Filosofiya. Zhurnal Vysshey shkoly ekonomiki [Philosophy. Journal of the Higher School of Economics]* 8 (3), 389–400.

OLEG AUROV

PHD IN HISTORY

LEADING RESEARCHER

INSTITUTE FOR SOCIAL SCIENCES

RUSSIAN ACADEMY OF NATIONAL ECONOMY AND PUBLIC ADMINISTRATION (MOSCOW, RUSSIA)

ASSOCIATE PROFESSOR

RUSSIAN STATE UNIVERSITY FOR THE HUMANITIES (MOSCOW, RUSSIA); ORCID: 0000-0002-0755-9902

“NORTHERN VENICE” AND “YUZHNY NOVGOROD”

REFLECTIONS ON THE BOOK BY P. V. LUKIN

LUKIN, P. V. 2022. *NOVGOROD I VENETSIYA. SRAVNITEL'NO-ISTORICHESKIYE OCHERKI STANOVLENIYA RESPUBLIKANSKOGO STROYA [NOVGOROD AND VENICE. COMPARATIVE HISTORICAL ESSAYS OF THE FORMATION OF THE REPUBLICAN SYSTEM]* [IN RUSSIAN].

SANKT-PETERBURG [SAINT PETERSBURG]: YEVIROPEYSKIY UNIVERSITET V SANKT-PETERBURGE [EUROPEAN UNIVERSITY AT ST. PETERSBURG PRESS]

DOI: 10.17323/2587-8719-2024-3-389-400.

REFERENCES

- Aurov, O. V. 2012. *Gorod i rytsarstvo feodal'noy Kastilii [Chivalry and the City of Feudal Castile]: Sepul'veda i Kuel'yar v XIII — seredine XIV veka [Sepulveda and Cuellar in*

- the XIII – mid-XIV centuries*] [in Russian]. Moskva [Moscow]: ITs RGGU [Russian State University for the Humanities Publishing Centre].
- . 2020. “Feodalizm kak forma organizatsii vlasti [Feudalism as a Form of Organization of Power]: primer Kastilii i Leona XI – serediny XIV veka [The Example of Castile and Leon XI – mid-XIV Centuries]” [in Russian]. *Sredniye veka [Middle Ages]* 81 (1): 57–65.
- Filippov, I. S. 2015. “Razmyshleniya o knige S'yuzan Reynol'ds ‘Feody i vassaly’ i yeye vospriyatii v sovremennoy medievistike [Reflections on the Book Fiefs and Vassals by Susan Reynolds and Its Reception in Modern Medieval Studies]” [in Russian]. *Sredniye veka [Middle Ages]* 76 (3–4): 8–55.
- Gordin, A. M., and T. V. Rozhdestvenskaya. 2016. “‘Idya ko svyatomu Iakovu’ [‘Going to Saint James’]: drevnerusskoye graffito XII v. v Akvitanii [Ancient Russian Graffito of the 12th Century in Aquitaine]” [in Russian]. *Slověne = Slovène. International Journal of Slavic Studies*, no. 1, 126–147.
- Gorskiy, A. A., et al. 2008. *Drevnyaya Rus'. Ocherki politicheskogo i sotsial'nogo stroya [Ancient Rus'. Essays on the Political and Social System]* [in Russian]. Moskva [Moscow]: Indrik.
- Kharkhordin, O. V. 2020. *Respublika ili Delo publiki [Republic or Public Affairs]* [in Russian]. Sankt-Peterburg [Saint Petersburg]: Yevropeyskiy universitet v Sankt-Peterburge [European University at St. Petersburg Press].
- . 2021. *Respublika. Polnaya versiya [Republic. Full Version]* [in Russian]. Sankt-Peterburg [Saint Petersburg]: Yevropeyskiy universitet v Sankt-Peterburge [European University at St. Petersburg Press].
- Lukin, P. V. 2014. *Novgorodskoye veche [Novgorod Veche]* [in Russian]. Moskva [Moscow]: Indrik.
- . 2022. *Novgorod i Venetsiya. Sravnitel'no-istoricheskiye ocherki stanovleniya respublikanskogo stroya [Novgorod and Venice. Comparative Historical Essays of the Formation of the Republican System]* [in Russian]. Sankt-Peterburg [Saint Petersburg]: Yevropeyskiy universitet v Sankt-Peterburge [European University at St. Petersburg Press].
- Martín Cea, J. C., and J. A. Bonachía. 1998. “Oligarquías y poderes concejiles en la Castilla bajomedieval: balance y perspectivas” [in Spanish]. *Revista d'Història Medieval*, no. 9, 17–40.
- Merlini, M. 2016. *Neizvestnyy Afon [L'Athos sconosciuto]: rozhdeniye i istoriya benedik-tinskogo monastyrya [nascita e storia del Monastero benedettino]* [in Russian]. Trans. from the Italian by M. G. Talalay. Moskva [Moscow]: Indrik.
- Obolensky, D. 1998. “Vizantiyskoye sodruzhestvo natsiy [Byzantine Commonwealth of Nations]” [in Russian]. In *Vizantiyskoye sodruzhestvo natsiy. Shest' vizantiyskikh portretov [Byzantine Commonwealth of Nations. Six Byzantine Portraits]*, Per. pod red. S. A. Ivanov, 11–396. Moskva [Moscow]: Yanus-K.
- Reynolds, S. 1986. *Kingdoms and Communities in Western Europe, 900–1300*. Oxford: Clarendon Press.
- . 1994. *Fiefs and Vassals. The Medieval Evidence Reinterpreted*. Oxford: Clarendon Press.